

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 96—104.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 96—104.

Научная статья

УДК 94(363.4):930.1(091)

DOI: 10.46726/И.2024.3.12

ИУДЕО-ХРИСТИАНСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В ПОЗДНЕАНТИЧНОМ КЛЕРМОНЕ В ОТРАЖЕНИИ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Валентина Евгеньевна Цивилева

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

valentinatsivileva@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются иудео-христианские отношения в позднеантичном Клермоне и их отражение в зарубежной историографии. Жизнь позднеантичного Клермона, в том числе взаимодействие иудеев и христиан, относительно хорошо документированы, с чем связан особый интерес историков к этой теме. Особое внимание историков привлекает самое памятное событие в контексте иудео-христианских взаимоотношений в Клермоне — конфликт 576 г., о котором рассказывает Григорий Турский в «Истории франков» и Венанций Фортунат в одной из своих поэм. Интерпретация этого события, как и иудео-христианских взаимоотношений в целом, за время изучения претерпела ряд изменений. Историки отошли от одностороннего восприятия истории иудеев в христианском окружении как цепочки трагедий, обратили внимание на мирное взаимодействие иудеев и христиан, на позицию авторов источников, риторические цели, которые они преследовали, и в целом на тенденциозность источников христианского происхождения по отношению к иудеям.

Ключевые слова: историография, Клермон, агиография, иудео-христианские взаимоотношения

Для цитирования: Цивилева В.Е. Иудео-христианские взаимоотношения в позднеантичном Клермоне и их отражение в зарубежной историографии // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 96—104.

Изучение того положения, которое занимали иудеи на позднеантичном латинском Западе, традиционно вызывает затруднения по ряду причин. Исследователи располагают лишь небольшим количеством источников, которые содержат информацию о положении иудеев в тот период. Источники, на которые приходится полагаться, — это по большей части сочинения христианских авторов, целью которых являлось не столько достоверное описание каких-либо событий, сколько выражение определенной позиции, чему служило включение в рассказ вполне определенных событий и лиц. Так, включение в исторический или агиографический нарратив сюжетов, связанных с иудеями, служило, как правило,

апологетическим целям, а сами рассказы были наполнены антииудейской риторикой, затемнявшей реальные события.

Между тем христианские авторы, рассказывая своим читателям о торжестве своей религии и крещении иудеев, невольно показывали, как изменилось положение иудеев в Империи в результате ее христианизации, как мирное взаимодействие между иудеями и христианами нарушалось вспышками насилия.

Среди относительно немногочисленных упоминаний иудеев в позднеантичных латинских источниках особенно выделяется город Клермон. Жизнь этого города в период Поздней Античности считается одной из наиболее документированных, что исследователи считают случайностью, так как город не имел какого-либо особенно важного значения, но с ним по разным причинам было связано множество образованных церковнослужителей [Wood: 35], чьи сочинения и рассказывают об истории Клермона.

В контексте иудео-христианского взаимодействия Клермон упоминается во множестве текстов: в жизнеописаниях епископов Клермона (Австремония, Урбика, Галла), в исторических сочинениях, в постановлениях церковных соборов, в письмах — в связи с чем иудео-христианские взаимоотношения в этом городе нередко становились предметом исследования историков, что сформировало определенную историографическую традицию.

На протяжении развития исторической науки смещались акценты в изучении иудео-христианских отношений, в том числе в позднеантичном Клермоне, менялись и выводы, к которым приходили исследователи. Если до начала XX века история иудеев виделась в качестве цепочки конфликтов, насилия над иудеями, то на следующем этапе развития исторической науки историки стали обращать внимание и на мирное взаимодействие иудеев и христиан, на риторические особенности сочинений христианских авторов, на личность самих авторов источников и на то, как она влияла на изображение иудеев, какие риторические цели авторы преследовали.

Ученые сходятся во мнении, что первое достоверное упоминание иудейского присутствия в Галлии относится к началу IV века [Katz: 9], в это время (321 год) Константином Великим был издан закон в отношении куриальных обязанностей иудеев Колонии Агриппины (совр. Кёльн) (CTh 16.8.3).

Что касается непосредственно Клермона, то большинство упоминаний относятся к V—VI векам. Нередко эти упоминания говорят об интегрированности иудеев в городское сообщество, о мирном взаимодействии представителей разных религий. Сидоний Аполлинарий (430—486), епископ Клермона в 471—486 годах, вполне положительно отзываясь об иудеях в своих письмах. В послании от 472 года он рекомендует своему респонденту, также епископу, иудея, видимо, в качестве поверенного для решения каких-то вопросов. Сидоний отмечает, что «пока есть возможность обратить иудеев, всегда есть возможность их искупления» (*Sidon. Ep. VI, 11*); указывает, что этот иудей хорошо справляется с торговыми операциями: «как бы сильно вы не напали на его ересь, вы можете, следуя справедливости, защищать его как человека» (*Sidon. Ep. VI, 11*). В другом письме тому же епископу Сидоний рекомендует еще одного иудея, но уже, видимо, крещенного (*Sidon. Ep. VIII, 13*).

Таким образом, Сидоний, хоть и выражает надежду на крещение иудейского народа, но религиозные противоречия не являются препятствием для деловых контактов епископа с иудеями, которые в первую очередь являются согражданами. Сидоний проводит разграничение между человеком и его религиозными воззрениями. Такой подход со стороны епископа является скорее

исключением. Историки отмечают, что Сидоний предстает в этой истории не столько как человек Церкви, сколько как римлянин, защитник цивилизации, справедливости и мира [Quenehen: 101].

О мирных взаимоотношениях иудеев и христиан говорят также постановления церковного собора, состоявшегося в Клермоне в 535 году. Установленный канонами этого собора запрет на иудео-христианские браки и запрет иудеям выступать в качестве судей христиан (*Ne Iudei Cristeanis populis iudices praeposantur*, Conc. Arv.) отражают не только политику, направленную на ограничение контактов между иудеями и христианами в гражданской жизни, но и, повторяя, по сути, ограничения, введенные на других поместных соборах и определенные Кодексом Феодосия (CTh. 16.8.16), свидетельствуют о сохранении этих контактов. И далее мы увидим, что иудеи оказывались вовлечены не только в повседневную жизнь простых клермонцев, но и в собственно церковную политику.

Одним из основных источников, рассказывающих об иудеях Клермона, является «История франков» Григория Турского. Описывая борьбу за епископскую кафедру Клермона (родного города для Григория), автор не раз отмечает роль иудеев в этой борьбе.

Так, перечисляя недостатки не самого благочестивого епископа Каутина (551—571), который получил епископскую кафедру, обманув своего соперника Катона (Каутин тайно отправился к королю и добился своего утверждения), Григорий в заключении говорит, что тот «был любезен с иудеями и весьма предан им, но не ради спасения их души, о чем обычно должен заботиться пастырь, а ради того, чтобы они приобретали дорогие вещи, которые они продавали дороже, чем те стоили: он им делал поблажки, а они весьма перед ним угодничали» (Greg. HF IV, 12; пер. Л. Васениной). О сопернике Каутина Катоне автор отзывается тоже негативно.

Григорий Турский, указывая на тесные контакты Каутина с иудеями, обращает внимание на то, что эти отношения сопряжены с чем-то греховным. По его мнению, все контакты епископа с иудеями должны быть направлены только на то, чтобы обратить их в христианскую веру; вне этой цели любые отношения христианина с иудеями воспринимаются как нечто дурное, что можно поставить в вину.

О Евфразии, претендовавшем на епископскую кафедру после смерти Каутина, автор сообщает, что тот «скупил у евреев много ценных вещей» и отправил их королю, «чтобы таким образом добиться того, чего он не мог достичь своими заслугами» (Greg. HF IV, 35). Но епископом был избран Авит (учитель Григория), о котором епископ Тура, наоборот, отзывается исключительно положительно и называет «достойным уважения человеком» (Greg. HF IV, 35), в отличие от его предшественников и соперников.

Если оставить в стороне дидактические оценки Григория, стремившегося установить допустимые пределы взаимодействия христиан с иудеями, факт остается фактом: для достижения своих политических целей претенденты на епископскую кафедру не чурались прибегать к финансовым услугам иудеев.

Именно в период пастырского служения Авита (в 576 году) в Клермоне произошел наиболее памятный иудео-христианский конфликт, о котором известно не только благодаря «Истории франков», но и стихотворению Венанция Фортуната, составленному по просьбе его учителя Григория Турского. Оба автора рисуют схожую, в принципе, картину случившегося, но с некоторыми отличиями. Фортунат пишет, что Клермон был разделен на две враждующие группы, хотя люди и жили в одном городе, они «не исповедовали одну и ту же

веру». Сопровождая свое повествование антииудейской топикой (неверие, упрямство, слепота), автор рассказывает об ожесточенном конфликте: иудеи не прислушивались к мирным увещаниям епископа, отказывались креститься, что вызвало гнев христианской толпы, синагога была разрушена, а иудейская часть населения, все же поддавшись угрозам христиан, приняла крещение. В результате Авит добивается желаемого — его город оказывается объединен единой верой (*Venant. Fort. Carn. V, 5*).

Версия Григория Турского имеет некоторые отличия. В его «Истории» инициаторами конфликта становятся иудеи, один из которых выливает прогорклое масло на голову иудея, крещеного на Святую Пасху, это вызвало гнев христиан, но епископ в тот момент еще смог остановить свою паству. Однако через сорок дней во время шествия в честь праздника Вознесения толпа христиан разрушает синагогу, а Авит обращается с проповедью к иудеям. Хотя он отмечает, что «не принуждает силой исповедовать Сына Божьего, а только проповедует и влагает в сердца сущность учения», он все же выдвигает ультиматум иудеям: «будьте одним стадом, пастырем которого я поставлен; если же не хотите, то уходите отсюда». В результате более пятисот иудеев согласились принять крещение, остальные ушли в Марсель (*Greg. HF V, 11*). Таким образом, в рассказе Григория Турского конфликт представлен менее ожесточенным, иудеям был дан выбор, чего не упоминает в своей версии Фортунат. Но в обоих случаях авторы акцентируют внимание на том, что епископ заботился о единстве городской общины, о приумножении своей паствы.

Именно этот эпизод в истории Клермона на протяжении нескольких десятков лет вызывал дискуссию в науке. Интерпретация этого конфликта менялась вместе с развитием исторической науки.

Изначально все случаи иудео-христианских конфликтов рассматривались исследователями в рамках последовательной политики христианской церкви, направленной на обращение неверных. До начала XX века в иудаике преобладала так называемая “*lachrymose conception*”, когда иудеи выступали исключительно жертвами церковной политики, а их история цепочкой преследований и гонений. Ситуация изменилась в начале прошлого столетия, когда историки стали обращать внимание не только на конфликты, которые, действительно, периодически возникали, но и на повседневную жизнь, которая зачастую была мирной и обыденной, в связи с этим не очень интересной для авторов дошедших до нас источников. Один из главных критиков “*lachrymose conception*”, австрийский и американский историк Сало Барон, утверждал, что иудейскую историю необходимо рассматривать не как серию преследований, а скорее как процесс постоянного взаимодействия иудеев со своим окружением [Teller: 431], иудеи не являлись только беззащитными жертвами преследований [Schorsch: 377].

Подобное переосмысление истории иудеев происходило в контексте более масштабных изменений в исторической науке в течение XX века, когда менялся подход к изучению прошлого. Произошел переход от концепций «революций», «падений» и «кризиса» к «трансформации», «континуитету» и «эволюции» [Ward-Perkins: 4]. Исследователи стали обращать внимание не столько на заметные политические события, сколько на жизнь людей и их самовосприятие. Таким образом, со временем точка зрения С. Барона стала общепринятой, историки XX века перенесли акцент на мирные отношения иудеев и христиан в позднеантичном обществе.

Изменился и подход к изучению источников христианского происхождения, ученые стали обращать внимание на риторические особенности, на личность

и позицию автора, на цели, которые тот преследовал, и в итоге — на понимание той роли, которая отводилась иудеям в соответствии с целями произведения.

Подобное развитие историографической мысли отразилось и на восприятии событий, описанных в сочинении Григория Турского. Если в первой половине XX века события в Клермоне — это всего лишь очередной эпизод, который доказывает изменение в положении иудеев в эпоху Поздней Античности, когда их безопасность не гарантируется законом, а зависит от «настроения» остальной части населения [Parkes: 335], то со второй половины XX века историки начинают обращать внимание на личность самого Григория и риторические цели его произведения.

Например, Бернхард Блюменкранц рассматривал эпизоды в Клермоне с точки зрения формирования Григорием Турским образа благочестивого епископа, одной из обязанностей которого является проповедь иудеям. Именно в рамках конструирования этого образа порицается епископ Каутин, который общался с иудеями ради умножения своих богатств, и, наоборот, положительным образом епископа выступает Авит, который исполнял свой долг пастырского служения, проповедовал иудеям [Blumenkranz: 93]. Подобная интерпретация сохраняет свою актуальность до сих пор.

Хорошие отношения иудеев с некоторыми епископами, косвенное участие в борьбе между клириками, упоминаемое Григорием Турским, позволяли некоторым историкам предполагать, что иудеи имели некоторое политическое влияние в Клермоне, что поддержка того или иного епископа иудеями имела определенное значение в политической игре [Bachrach: 54—56]. Впрочем, подобное мнение не является господствующим [Keely: 112], большинство историков отмечают его необоснованность, учитывая то небольшое количество информации, которое нам предоставляет Григорий Турский.

В то же время следует отметить, что сами церковные иерархи были обеспокоены интригами и соперничеством, которыми, как правило, сопровождалось избрание нового епископа. На церковном соборе в Клермоне 535 г. в очередной раз подчеркивалось, что епископ должен избираться с учетом его заслуг и нравственных качеств, а не с помощью хитрости и «покровительства сильных мира сего» (Сопс. Ауг.).

Пожалуй, самый подробный анализ межконфессионального взаимодействия в Клермоне VI века представлен в статье австралийского историка Брайана Бренана. Он отмечает, что конфликт, произошедший в Клермоне, несколько удивителен, учитывая интегрированность и хорошие отношения между иудеями и христианами Клермона, и размышляет над тем, почему он произошел и заслужил столько внимания со стороны христианских авторов. Б. Бренан говорит о том, что не следует исключать вероятность того, что это действительно была борьба двух групп населения, тех, кто терпимо относился к иудеям, и тех, кто выступал против каких-либо дружественных контактов с ними. Из описания Григория Турского не совсем понятна динамика отношений Авита и иудеев Клермона, когда именно он начал активно им проповедовать: до того, как стал епископом (тогда иудеи поддерживали его соперника по понятным причинам), или после, и попытки обращения иудеев стали в таком случае последствием их поддержки конкурента Авита [Brennan: 325].

Особое внимание Б. Бренан уделяет временным рамкам произошедшего конфликта: действия происходили между Пасхой и Вознесением. В этот период разделение городской общины на христиан и иудеев было особенно заметно, а вид иудеев для христиан иногда был настолько «оскорбительным», что некоторые

церковные соборы запрещали их публичное появление в это время (Conc. Arv.). В подобной ситуации, по мнению Бренана, спровоцировать конфликт могло что угодно. При этом иудеи даже смогли оказать сопротивление; по версии Григория, не все из них согласились креститься, кто-то ушел в Марсель.

Причину того, что это событие заслужило столько внимания со стороны епископа Тура, Б. Бренан видит в следующем: эпизод в Клермоне наряду с другими формирует образ праведного пастыря, который должен заботиться о приумножении своей паствы, проповедовать иудеям; также с Клермоном связаны и личные интересы автора, Григорий отстаивает интересы определенного круга аристократии, не скрывает, что находится на стороне одних священнослужителей и противостоит другим, а какие-либо хорошие отношения с иудеями становятся инструментом в этой борьбе [Brennan: 323; Quenehen: 108].

Что касается поэмы Венанция Фортуната, то, по мнению Б. Бренана, она служила скорее политическим целям. Написанная в спешке по просьбе Григория Турского, она должна была укрепить авторитет Авита после произошедшего конфликта (особенно если она предназначалась для публичного чтения).

Интерпретация событий в Клермоне, предложенная Б. Бренаном, является общепринятой, хотя существуют и альтернативные точки зрения. Например, французский историк Мишель Руш писал о том, что конфликт 576 г. в некоторой степени был спровоцирован самими иудеями. Они систематически нарушали римские законы (о занятии административных должностей, о владении христианскими рабами) и постановления церковных соборов. Конфликт в Клермоне тоже начинается с нарушения закона: судя по рассказу Григория, его бывший единоведец вылил на новообращенного прогорклое масло, между тем как преследование крестившихся иудеев было законодательно запрещено (СTh. 16.8.1). М. Руш делает вывод, что иудеи чувствовали себя «безнаказанными», на что христианам приходилось реагировать (учитывая бездействие светских властей) [Rouche]. При этом христиане также нарушают закон, разрушая синагогу, но авторы (Григорий Турский и Фортунат) не осуждают это действие, а, наоборот, радуются новообращенному «единству города». Таким образом, для М. Руша важным оказывается прежде всего тот факт, что насильственное крещение произошло в связи с попустительством светских властей и одержимостью христианских священнослужителей идеей единства [Rouche].

В целом, в современной историографии господствует точка зрения, согласно которой Григорий Турский использовал образ иудеев в своем нарративе для нескольких целей: как объект дифференциации для утверждения христианской идентичности, для формирования образа праведного епископа, который заботится о приумножении и единстве своей паствы [Keely: 111], и, вероятно, для отстаивания интересов определенных знатных семей в клерикальных спорах [Wood: 37].

С целью утверждения образа епископа как доброго пастыря «для всех» в житиях часто используется и другой топос, а именно участие иудеев в похоронной процессии, оплакивание скончавшегося епископа. Например, о похоронах епископа Клермона Галла (который приходился дядей епископу Тура) в 551 году Григорий пишет: «Даже некоторые евреи шли в конце процессии, плача и держа в руках лампады. И все в один голос говорили: “Горе нам, с этого дня никогда у нас не будет такого иерарха”» (*Greg. Vita patrum. VI, 7*; пер. В.Д. Савуковой). Подобные упоминания встречаются и в других житиях [Blumenkranz: 181].

Так или иначе, присутствие иудеев в Клермоне и их отношения с христианами, по всей видимости, действительно были значительными, как и влияние сочинений Григорий Турского и Венанция Фортуната, так как это сформировало определенную риторическую традицию, которая прослеживается даже в тех житиях епископов Клермона, которые были созданы несколькими веками позднее деятельности самих священнослужителей.

Примером подобного жития служит жизнеописание первого епископа Клермона Австремония (Стремения), деятельность которого приходилась на вторую половину III века. История, связанная с иудеями, о которой говорится в житии, в других источниках не упоминается, что заставляет историков относиться к ней с осторожностью, особенно учитывая события, там описанные [Katz: 22], и время создания жития (середина VII века) [Heinzelmann: 52; Molinier: 23].

Действительно, житие Австремония содержит рассказ о совершенно неправдоподобном конфликте между иудеями и епископом Клермона, когда попытки епископа с помощью проповеди обратить иудеев в христианство закончились убийством епископа толпой иудеев во главе с отцом одного новообращенного, который тоже был убит (Vita Austr. 8—11).

Эту историю продолжает житие преемника Австремония, епископа Урбика (умер в 312 году), который с толпой христиан захватил синагогу и поставил местных иудеев перед выбором: принять либо крещение, либо смерть (Vita Urb. 2). В правдивости данного события историки также сомневаются, особенно учитывая, что в это время иудаизм был разрешенной законом религией, а христианство еще не было узаконено [Katz: 22]; указывают на сходство с историей Авита и ее возможное влияние [Parkes: 134]. Учитывая упоминания Клермона в этом контексте, не удивительно, что авторы сочли уместным поместить эти события в жития первых епископов города, тем самым указывая на долгую историю иудео-христианского противостояния и отмечая роль епископа, который исполнял свои обязанности, заботился о приумножении своей паствы.

Таким образом, за время изучения иудео-христианских взаимоотношений в позднеантичном Клермоне ученые смогли преодолеть одностороннее восприятие иудейской истории как последовательности трагедий и конфликтов, а новые подходы к анализу источников христианского происхождения позволили увидеть в них не только описание иудео-христианских конфликтов, но и имеющую большое влияние позицию автора источника, цели, которые он преследовал, и риторические традиции, которые зачастую имели мало общего с реальностью, но оставляли след в сознании современников и становились частью городской истории.

Список источников

- Concilium Arvernense, a. 535, ed. F. Maasaen, *MGH Concilia aevi Merovingici [511—695]*, Hannover, 1893, pp. 65—71 (Conc. Arv.).
- Concilium Aurelianense, a. 538, ed. F. Maasaen, *MGH Concilia aevi Merovingici [511—695]*, Hannover, 1893, pp. 72—86 (Conc. Aur.).
- De sancto Urbico episcopo Claromantano in Galli, *Acta sanctorum. April*, t. 1, Paris, 1866, pp. 251—252 (Vita Urb.).
- Gai Solii Apollinaris Sidonii Epistulae et carmina, ed. B. Krusch, *MGH Auct. ant.* t. VIII, Berlin, 1887 (Sidon. Ep.).
- Gregorii episcopi Turonensis liber vitae partum, ed. B. Krusch, *MGH SS rer. Merov.* t. 1, pars 2, Hannover, 1969, pp. 211—294 (Greg. Vita patrum).

- Gregorii episcopi Turonensis libri historiarum X, ed. B. Krusch et W. Levison, *MGH SS rer. Merov.* t. 1, pars 1, Hannover, 1951, pp. 1—537 (*Greg.* HF).
- Imperatoris Theodosii Codex, URL: <http://ancientrome.ru/ius/library/codex/theod/public.htm> (CTh) (accessed at 14.02.2024).
- Venanti Honori Clementiani Fortunati. Opera poetica, rec. F. Leo, *MGH Auct. ant.* t. IV, pars 1, Berlin, 1881 (Venant. Fort. Carm.).
- Vita Caesarii episcopi Arelatensis, ed. B. Krusch, *MGH SS rer. Merov.* t. 3, Hannover, 1896, pp. 457—501 (Vita Caes.).
- Vita prima sancti Austremonii, *Acta sanctorum. Novembris*, t. I, Paris, 1887, pp. 49—54 (Vita Austr.).

Список литературы / References

- Bachrach B.S. Early Medieval Jewish Policy in Western Europe, Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977, 213 p.
- Blumenkranz B. Juifs et chrétiens dans le monde occidental, 430—1096, Paris: Mouton, 1960, 440 p.
- Brennan B. The conversion of the Jews of Clermont in AD 576, *The journal of theological studies*, 1985, vol. 36, pp. 321—327.
- Heinzelmann, M. L'hagiographie mérovingienne: panorama des documents potentiels, *L'hagiographie mérovingienne à travers ses réécritures*, ed. by M. Gouillet, M. Heinzelmann, C. Veyrard-Cosme. Beihefte der Francia 71, Ostfildern, 2010, pp. 27—103.
- Katz S. The Jews in the Visigothic and Frankish kingdoms of Spain and Gaul. The Mediaeval Academy of America, Cambridge, Massachusetts, 1937, 190 p.
- Keely A. Arians and Jews in the Histories of Gregory of Tours, *Journal of Medieval History*, vol. 23, no. 2, 1997, pp. 103—115.
- Molinier A. Les sources de l'histoire de France, vol. 1, Paris, 1901, 288 p.
- Parkes J. The conflict of the church and the synagogue: A study in the origins of antisemitism. Cleveland and New York. The Jewish publication society of America, Philadelphia, 1961, 434 p.
- Quenehen M. Les Juifs de l'évêque. De l'usage des Juifs dans l'œuvre de Grégoire de Tours, *Archives Juives*, 2010, vol. 1 (43), pp. 96—113.
- Rouche M. Les baptêmes forcés de Juifs en Gaule mérovingienne et dans l'Empire d'Orient, *Le choc des cultures. Romanité, Germanité, Chrétienté durant le Haut Moyen Âge*, Lille: Presses universitaires du Septentrion, 2003, pp. 223—242.
- Schorsch I. The Lachrymose Conception of Jewish History, *From Text to Context: The Turn to History in Modern Judaism*, Hanover, London: Brandeis University Press, 1994, pp. 376—388.
- Teller A. Revisiting Baron's «Lachrymose Conception»: The Meanings of Violence in Jewish History, *AJS Review*, 2014, vol. 38, pp. 431—439.
- Ward-Perkins B. The Fall of Rome and the end of Civilization, Oxford: Oxford University Press, 2005, 239 p.
- Wood I. The Ecclesiastical Politics of Merovingian Clermont, *Ideal and Reality in Frankish and Anglo-Saxon Society*, ed. by P. Wormald, Oxford, 1983, pp. 34—57.

JUDEO-CHRISTIAN RELATIONS IN THE LATE ANTIQUE CLERMONT IN THE REFLECTION OF FOREIGN HISTORIOGRAPHY

Valentina Ev. Tsivileva

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, valentinatsivileva@mail.ru

Abstract. The article analyzes Judeo-Christian relations in the late Antique Clermont and their reflection in foreign historiography. The life of the late Antique Clermont, including the interaction of Jews and Christians, is relatively well documented, which is why historians are particularly interested in this topic. Historians pay special attention to the most memorable event in the context of Judeo-Christian relations in Clermont – the conflict of 576, which is described by Gregory of Tours in «The History of the Franks» and Fenantius Fortunatus in one of his poems. The interpretation of this event, as well as of Judeo-Christian relations in general, has undergone a number of changes during the study. Historians moved away from the one-sided perception of the history of the Jews as a chain of tragedies, drew attention to peaceful interaction, the position of the authors of the sources, the rhetorical goals they pursued, and, in general, the bias of sources of Christian origin towards Jews.

Keywords: historiography, Clermont, hagiography, Judeo-Christian relations

For citation: Tsivileva V.E. Judeo-Christian relations in the Late Antique Clermont in the reflection of foreign historiography, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 96—104.

Статья поступила в редакцию 16.02.2024; одобрена после рецензирования 05.04.2024; принята к публикации 13.05.2024.

The article was submitted 16.02.2024; approved after reviewing 05.04.2024; accepted for publication 13.05.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Цивилева Валентина Евгеньевна — аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, valentinatsivileva@mail.ru

Tsivileva Valentina Evgenevna — post-graduate student of the Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, valentinatsivileva@mail.ru